

НАЦИОНАЛЬНЫЙ «ГЕНДЕР»: MADE IN AZERBAIJAN

Еще пару десятилетий назад в Азербайджане было неизвестно слово «гендер», и не существовало ни одного исследователя, который специализировался бы в этом поле. Но сейчас мы видим, как гендерные исследования относительно быстро и беспрепятственно становятся частью официального академического дискурса, как учебные программы по гендерной проблематике утверждаются министерством образования, студенты могут выбирать себе дипломные работы в данном направлении, а преподаватели — организовывать внутри- и межвузовские гендерные семинары, тренинги и конференции. Однако даже при беглом знакомстве с азербайджанской версией «гендерных исследований» возникает вопрос, привел ли целенаправленный импорт новой, «гендерной», терминологии к парадигмальным сдвигам в социальных науках или создал лишь модную оболочку для традиционного воспроизводства гендерных стереотипов и гендерной асимметрии, подчеркивая вторичность женского по отношению ко всему мужскому.

Основной тезис моей статьи заключается в том, что гендерные исследования в Азербайджане используются для легитимации национального проекта, который активно реализуется государством и поддерживается в академических кругах. Для этих целей критическая функция гендерных исследований подменяется функцией охраны национальной самобытности, частью которого является патриархатный гендерный порядок¹.

1. Методология исследования

В настоящей статье анализируется дискурс о гендерных исследованиях в Азербайджане и интерпретации гендерного дискурса его участниками. Меня интересовали те дискурсивные практики², которые определяют форму и содержание гендерных

¹ Под «гендерным порядком», следуя Роберту Коннелу, я понимаю систему социальных институтов идентичностей, закрепленную «в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами и внутри групп, выделенных по признаку пола». Цит. по Здравомыслова Е., Темкина А. Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики / Под ред. Попковой Л.Н. и Тартаковской И.Н. Самара: Самарский университет, 2003. С. 13.

² Под дискурсивной практикой, по определению Мишеля Фуко, понимается «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания». Фуко М. Археология Знания. СПб.: «Гуманитарная академия», 2004. С. 227.

исследований как «местного продукта». Выбор дискурсивного анализа не случаен, так как именно он, на мой взгляд, позволяет обозначить влияние более широкого контекста на осуществление функции высказывания, что отражается на характере его смысловой организации, существовании скрытых семантических значений и противоречий. При проведении анализа важным является поиск источника дискурса, выяснение, какие явные и латентные смыслы в нем содержатся, кто его авторы и насколько успешно они его продвигают, на какую аудиторию он рассчитан и в каких отношениях находится с другими дискурсами³.

Мною были проведены десять неструктурированных глубинных интервью с теми, кто активно участвует в конструировании гендерного дискурса в Азербайджане. Критерием выбора было преподавание «гендерных» курсов в университетах; подготовка учебников, статей, монографий, организация и участие в конференциях, семинарах по «гендерной» тематике; руководство организациями и структурами, в которых основным считается «гендерное направление» деятельности; проведение исследований, определяемых авторами как «гендерные».

Помимо этого, для описания и анализа дискурса мною были использованы работы, обозначенные самими авторами как относящиеся к гендерной тематике, опубликованные в Азербайджане начиная с 1998 года, когда появились первые академические гендерные проекты, по настоящее время. Эти тексты представляли собой учебники, сборники статей, монографии и исследования, на русском и азербайджанском языках. Важным критерием отбора литературы также была ориентация научных работ на внутренний азербайджанский интеллектуальный рынок. Таким образом, я ознакомилась с основной массой работ по заданной тематике, особое внимание уделяя изданиям двух ведущих исследовательских центров: Центра гендерных исследований при Западном университете и исследовательского союза «Гендер и права человека», учрежденного сотрудниками отдела «Новейшие направления философии и гендерные исследования» Национальной Академии наук Азербайджанской Республики.

2. Гендерный порядок в постсоветском Азербайджане

Социальные трансформации в постсоветский период привели к серьезным изменениям в гендерном порядке азербайджанского общества, возникновению новых гендерных ролей или преобразованию уже существующих. В общем наметились две основные тенденции. Первая — патриархатный ренессанс — укрепление представлений о биологическом предназначении полов и четком разделении половых ролей: мужчина-кормилец и публичная фигура, женщина — хранительница очага. Эта установка доминирует как на бытовом уровне, так и в политической идеологии. Поддерживается

³ Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных // Введение в гендерные исследования. Часть 1. / Под ред. Жеребкиной И.А. СПб.: Алетейя, 2001. С. 219-220.

поло-ролевое распределение обязанностей в частной сфере, а в сфере занятости и политического участия сохраняется «учет половых особенностей» (качеств, присущих женщине). Последнее ведет к тому, что женщины не допускаются в «мужские» профессии, а женщины-политики могут претендовать только на управление традиционно женскими сферами — социальной опеки, здоровья и образования.

С другой стороны, наметились тенденции женской эмансипации через успешное освоение ими рыночного пространства. Многие женщины смогли приспособиться к новым рыночным условиям и востребованы в сфере профессионального, квалифицированного труда, где во главу угла ставится карьера и профессиональное развитие. Появились также женщины-активистки в неправительственном секторе, женщины, занимающие менеджерские позиции в солидных компаниях, бизнес-леди. Выбор женщиной таких жизненных стратегий предполагает установку на финансовую и поведенческую независимость женщин и вызывает в обществе неоднозначную реакцию, трактуется в основном как проявление внешнего, западного влияния. Так, например, один из респондентов, рассуждая о трансформации гендерных отношений в Азербайджане, представляет происходящую эмансипацию в свете критики влияния западного феминизма:

Это как бы в ракурсе западного развития феминизма, когда феминизм представлял собой копирование мужской идентичности. То есть начинался феминизм с того, что если женщины будут копировать мужскую идентичность, то они будут в равных правах. Но потихонечку феминизм развивался, превратился в особое направление, радикализм, потом они понимают, что нужно какое-то уравнивание, и появляется гендер... Я вообще обратил внимание, что Ленин был прав, когда говорил, что в национальном вопросе нерусские — Орджоникидзе, Дзержинский — хуже, чем русские. То же самое и это: если феминизм, допустим, западный, он как бы вырос,.. а если феминизм восточный, то он готов и голову расшибить себе (м, 56 лет, доктор наук).

Таким образом, новые роли женщин воспринимаются обществом, с одной стороны, как индикатор «маскулинизации» женщин и распространения среди них идей феминизма, а с другой — как угроза власти и доминирующему положению мужчин в обществе, претензия на равные с ними права.

Считается, например, что основной причиной «маскулинизации» женщин выступает их финансовая независимость. Речь идет не просто о самостоятельном заработке женщины, а о случаях, когда доход жены становится либо единственным в семье, либо превышает доход мужа в несколько раз, превращая ее в основного «кормильца». Утрата этого статуса воспринимается мужчинами болезненно и способствует возникновению своего рода комплекса социальной кастрации — чувства неполноценности в качестве «настоящего» мужчины.

Как уж отмечалось, подобные поиски женщинами новых «гендерных ролей» происходят на фоне усиления/возрождения/изобретения⁴ традиционных представлений об образе идеальной «женщины», основной функцией которой остается забота об очаге в «идеальной» азербайджанской семье. Одной из основных стратегий, используемых женщинами для компромисса между своим стремлением к самореализации в публичной сфере и сохранением комфортной ситуации в семье, становится подчеркнутое следование традиционным гендерным ролям в приватной сфере. Все западные исследовательницы, анализировавшие ситуацию азербайджанских женщин в постсоветский период, отмечали различные стратегии поведения азербайджанских женщин в публичной и приватной сферах: уверенные, эмансипированные и независимые в публичной сфере, они демонстративно покорны и зависимы от мужчин — членов семейной общины⁵. Работая в женской неправительственной организации, я сталкивалась со случаями, когда успешные в глазах общества женщины, занятые на так называемых престижных работах, терпели от мужей побои за такие проступки, как посещение родственников или соседей без предварительного согласия мужа. Тема домашнего насилия часто всплывала и в проводимых мною интервью с исследовательницами по гендерной проблематике. В частности, некоторые из них рассказывали о случаях, когда они, часто возглавлявшие гендерные программы в неправительственном секторе, отказывались от поездок за рубеж, если муж не давал им на это разрешения. Более того, некоторые женщины воспринимают или хотят воспринимать наложенные запреты как положительное явление — проявление заботы со стороны мужа.

Безусловно, религиозные практики, замешанные на кавказских моральных ценностях и традициях (то, что в Азербайджане обозначается как *adat va anana* – букв. *традиция и обычай*), поддержанные системой советского кодекса поведения, играют свою значимую роль в формировании гендерных ожиданий. Так, одной из основных символических ценностей азербайджанского семейного клана является мужская честь и достоинство – *geyrat* (понятие многозначное, букв. перевод: *честь, мужество, ревностное отношение к интересам своей семьи*). Женская честь – *namus* связана с социально регулируемым женским сексуальным поведением и охраняема всеми членами семейного клана, потому что неприемлемое сексуальное поведение женщины клана оскорбляет мужское достоинство ее сородичей. Таким образом, понятие чести в Азербайджанском контексте не имеет «женского пола», оно всегда неразрывно связано с мужским достоинством. Поэтому с детства женщинам предписывались строгие правила морального поведения. Именно эти установки лежат в основе традиционного гендерного

⁴ Gole N. *Global Expectations, Local Experiences: Non-Western Modernities // Through a Glass Darkly / Ed. by Wil Arts. Leiden: Brill Press, 2000. P. 52.*

⁵ См. Tohidi N. *The Intersection of Gender, Ethnicity and Islam in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan // Nationalities Papers. Vol. 25, № 1. 1997. P. 147-167; Heyat F. Azeri Professional Women's Life Strategies in the Soviet Context // Gender and Identity Construction. Women in Central Asia, the Caucasus and Turkey / Ed. by Feride Acar and Ayse Gunes-Ayata. Leiden, Boston, Koln: Brill, 2000. P. 177-201; Heyat F. *Azeri Women in Transition. Women in Soviet and post-Soviet Azerbaijan. London: Routledge, 2002.**

порядка. К азербайджанской ситуации вполне применимы выводы, сделанные Анной Темкиной в исследовании гендерного порядка в Таджикистане: «сексуальность женщины становится ее «судьбой», которая тождественна браку и подчинению мужу (и/или расширенной семье), правила строго контролируются, их невыполнение приводит к исключению и маргинализации»⁶.

Понятия о чести и достоинстве до сих пор являются базовыми элементами, регулирующими социальную жизнь в Азербайджане. Социолог из Великобритании Фериде Хейят в своем исследовательском наблюдении за жизнью азербайджанской женщины поражается, насколько часто в обыденной речи используются термины *namuslu* (честная, порядочная) или *namussuz* (бесчестная, ведущая аморальный образ жизни), когда речь идет о поведении какой-либо женщины или о характере ее взаимоотношении с посторонними мужчинами⁷. На женщину ложится ответственность за сохранение чести семьи, и это диктует свои правила игры как в публичной, так и в приватной сфере. Поэтому, независимо от «эмансипированности» женщины как профессионала, сохраняются строгие табу на проявление женской сексуальности и вообще поведения в приватной сфере. При любом уровне заработка и условий занятости мужчина остается в семье «главой» и «хозяином»⁸, который несет основную ответственность перед окружающими за моральный облик женщин своей семьи и который вправе применять карательные меры за непослушание.

Таким образом, сохранение и ужесточение в постсоветский период патриархальных норм и гендерной асимметрии в азербайджанском обществе значительно затрудняет выбор женщинами новых ролей, а свободное волеизъявление в публичной сфере и финансовая независимость женщин оказываются далеко не достаточными для эмансипации в частной жизни.

3. Импорт идей: «свое» и «чужое»

Развал СССР запустил во всех бывших республиках процессы поиска новой национальной идентичности и «национальных особенностей». Как можно быстрее определиться с идеологическими авторитетами и соответствующими моделями поведения, будь то пантюркизм, панисламизм или наследие первой Азербайджанской Демократической Республики, было важно не только для становления приобретенной государственности Азербайджана, но и лично для каждого члена общества, в том числе для его интеллектуалов.

⁶ Темкина А. Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) // Гендер: традиция и современность / Под ред. Касымовой С. Душанбе, 2005. С. 6-91.

⁷ Heyat F. *Azeri Women in Transition*. P. 31.

⁸ Интересно также, что женщину, позволившую себе отступление от правил общественной морали, также называют *uyesiz*, что в переводе означает «беспризорная», дословно — «без хозяина»; так можно сказать и о девушке, оставшейся без отца и надзора со стороны других лиц мужского пола в семье.

На фоне поиска национальной идентичности и стремления влиться в «цивилизованный» западный мир государство ставит перед интеллектуалами задачу создания новых «синтезированных моделей», которые будут сочетать в себе «западный импорт» и «национальные особенности». Это желание приобщиться к Европе, сохранив культурную самобытность и выгодный для местной политической элиты курс развития страны, выражается во всем — от интерпретации демократии и гражданского общества до отношения к гендерным исследованиям.

Тема «идеального синтеза» очень часто всплывает и в материалах интервью, собранных мной, когда информантам предлагалось поразмышлять о настоящем и будущем гендерных исследований в Азербайджане. Вот, например, одна из прозвучавших вариаций на тему:

У нас есть масса моделей, из которых выбирать, теоретические модели... И что от Запада взять, что-то, на самом деле без собственной воли. Ну, это же политика, конечно, там, где азербайджанцы имеют мало опыта (м., 56 лет, доктор наук).

В данном отрывке озвучены страх и опасения, которые испытывает информант перед предстоящим выбором из множества теоретических моделей, которые предлагаются обществу переходного периода. При этом подобный выбор, по мнению информанта, происходит путем копирования «чужого», будь то «западного» либо «восточного», без привнесения в него «своего собственного», того, что отличает Азербайджан от Запада и от Востока как некую иную цивилизационную модель, которая как географически, так и культурологически занимает особое пограничное положение. Проблема следования моделям без попытки задуматься, что *от себя вложить в это дело*, в конечном счете может создавать угрозу исчезновения «своего», его растворения в «чужой» модели. Помимо этого, информант озвучивает еще одну угрозу — угрозу навязывания, блокирования *собственной воли*, противостоять чему в силу недостаточности опыта Азербайджан будет не в силах. Иными словами, «чужие модели» попросту могут быть навязаны Азербайджану в рамках большой политики, что вновь может повлечь за собой потери своего собственного «я», своей воли к сохранению самобытности. Самым важным в данной связи информанту представляется именно процесс «думания», размышления над тем, что необходимо и важно *от себя вложить* в эту модель, выборочное отношение к «своему собственному», отбор того, что можно включить в новую модель будущего для сохранения самобытности.

Подобные переживания интеллектуальной элиты по поводу культурной колонизации не являются характерной особенностью Азербайджана, а встречаются повсеместно в модернизирующихся странах. Так, Галина Зверева, анализируя работы русскоязычных исследователей России, Украины и Белоруссии, приходит к выводу, что

существуют следующие познавательные подходы к интерпретации инокультурных концептов:

- *чужое как чуждое*;
- *чужое как свое*;
- *чужое как иное / другое*⁹.

В первом случае речь идет об отрицании и отторжении *чуждого* иностранного, чаще всего «западного», опыта как не подходящего своей культуре и даже опасного. «Свое» здесь мыслится как особое, отличное и уникальное. Во втором случае «чужой» опыт воспринимается в качестве *своей* инновационной модели, следование которой будет способствовать сближению «своего» и «чужого», или правильнее сказать, приближению «своего» к стандартам «чужого». Этот подход, по мнению Зверевой, приводит к возникновению многочисленных «познавательных и репрезентативных гибридов». В третьем варианте «чужой» опыт воспринимается в качестве *иного*, важного и необходимого в свете происходящих перемен, но в то же время нуждающегося в критическом осмыслении. Именно этот подход, по словам Зверевой, является наиболее продуктивным и наиболее трудным для исследователей.

На мой взгляд, в азербайджанском интеллектуальном сообществе чужие, западные модели воспринимаются как «чуждые», противоположные по смыслу и характеру своей культуре. Однако признание и адаптация этого «чуждого» считается необходимым, до некоторой степени даже вынужденным шагом в нынешней ситуации. Поэтому наиболее популярной остается попытка синтеза «своего» и «чужого», причем из «чужого» необходимо отобрать те элементы, которые не несут угрозы «своему» и смогут быть инкорпорированы в него без ущерба для самобытности, придав, однако, собственным концептам модернизированный вид. Таким образом, исследователи исходят из понятия «гендер» как традиционной социо-демографической категории, что «является комбинацией идей традиционной социологии пола с идеями, обсуждавшимися в феминистских работах и women's studies»¹⁰. Данный подход О. Воронина, одна из пионерок гендерных исследований в России, обозначает в качестве ложного или квазигендерного, потому что «в рамках этого подхода, с одной стороны, различаются пол как биологический фактор и гендер как социальная конструкция; с другой – наличие двух противоположных «гендеров» принимается как данность»¹¹.

Именно в контексте подобного познавательного подхода и происходит развитие в Азербайджане «западного» терминологического импорта – «гендерных исследований». Гендерные исследования как новое направление в социальных науках стали развиваться в Азербайджане с 1998 года при поддержке различных зарубежных фондов. Так, согласно

⁹ Зверева Г.И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России. <<http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/176028.html>> (12.02.2007)

¹⁰ Воронина О. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под ред. Малышевой М.М. М.: Академия, 2001. С. 25

¹¹ Там же.

информационной базе Азербайджанского центра гендерных исследований¹², с 1997 года в Азербайджане 68 неправительственных организаций провели 262 проекта по гендерной проблематике¹³. Наиболее активным в сфере продвижения гендерных исследований в Азербайджане является Институт «Открытое общество» (женская сетевая программа), который в 1998-2005 года выделил 403 950 долларов США¹⁴ на различные гранты, включая проведение программ, публикации, перевод литературы, участие местных исследователей в международных конференциях. Кроме ИОО, активную поддержку продвижению гендерных исследований в Азербайджане оказывали международные фонды UNDP, UNIFEM, ISAR, «Евразия» и другие.

Приоритеты донорских программ и возможность получения финансирования под «гендерные проекты» часто всплывают в интервью как стимулы к началу исследований. Так, например, описывает свой опыт одна из информанток:

Я туда случайно попала, в этот [проект]. Это было желание немного заработать. Вот честно я тебе скажу. Мне, с одной стороны, было интересно... что за гендерные, вообще, проблемы и исследования самой этой проблемы. Да, я чувствовала себя неуютно, я думала, интересно, неужели на самом деле... можно определить гендерные проблемы, стереотипы какие-то... Да и, честно говоря, я даже не думала, что что-то получится. Я думала, что это будет искусственно, надуманно (ж., 57 лет, кандидат наук).

Стоит сказать, что именно этот финансовый интерес как побудительный мотив часто ставился гендерным исследователям в упрек: оппоненты обвиняли их в преследовании в первую очередь личных, корыстных, а не исследовательских целей.

Другая проблема, с которой информантам, по их свидетельствам, пришлось столкнуться, предпринимая первые попытки внедрить гендерные исследования в систему академической науки в Азербайджане, — это обвинения в том, что они поднимают темы, которые идут в разрез с «национальным менталитетом». В связи с тем, что гендерные исследования затрагивают сферу взаимоотношений женщин и мужчин, они часто неверно интерпретировались в качестве аналога сексологии¹⁵, а первые исследователи гендерных отношений сталкивались с осуждением коллег и непониманием начальства. Вот как вспоминает свой первый опыт одна из информанток:

¹² Дополнительную информацию можно получить на сайте www.gender-az.org.

¹³ Данные не являются полными, так как не все неправительственные и донорские организации в Азербайджане согласились предоставить информацию о своей деятельности.

¹⁴ Каталог ресурсов гендерного образования. Азербайджанский гендерный информационный центр. Баку: «Адилъоглу», 2005. С. 131.

¹⁵ В реальности вопросы женской и мужской сексуальности в работах азербайджанских гендерных исследователей эксплицитно не обсуждаются. Так, например, мне не удалось найти ни одной работы, в которой бы обсуждались культ женской девственности, двойные стандарты в отношении добрых связей и адюльтера мужчин и женщин, сексуальные меньшинства в Азербайджане и другие «щекотливые» темы.

Когда мы начинали гендерные исследования в Азербайджане в 98-ом году, не было давления на каждого из нас, а просто разговоры ходили. Говорили: «Что вы позволяете себе — поднимать проблемы секса в Азербайджане?! Что это такое?!» Даже это стало причиной больших споров между нами...

Потом очень просто стало говорить о гендере. А через что мы прошли на пути к этому, какие слова услышали в свой адрес... Была бетонная стена, которую надо было преодолеть, которую надо было пробить (ж., 53, доктор наук).

В первую очередь, конфликты были вызваны восприятием гендерных исследований в качестве «чуждого», того, что входит в противоречие со «своим», может нарушить табу, культуру умолчания, присущую Азербайджану, и поднять «запретные» темы. Однако усилиями исследователей-первопроходцев, адаптировавших «гендер» к местным условиям и активно распространявших свое видение гендерной проблематики, удалось преодолеть этот барьер, эту *бетонную стену* и заставить академическое сообщество признать новый дискурс. Уже через два-три года гендерные исследования стали приобретать популярность в качестве того нового направления, в котором сочетается как попытка разрешения существующих в обществе проблем и противоречий, так и возможность своеобразного синтеза современных концепций и сохранения «национальной самобытности». Так, например, трактует важность внедрения гендерных исследований доктор философских наук Зумруд Гулузаде:

Женский вопрос должен быть разрешен только в рамках гендерной проблематики через глубокое и тщательное изучение социально-культурной ситуации в постсоветском Азербайджане, особо важно при этом выступать с позиции национального менталитета¹⁶.

То, насколько успешно удалось включить адаптированную версию гендерных исследований в азербайджанский академический дискурс, может продемонстрировать «Каталог ресурсов гендерного образования» Азербайджана, опубликованный в конце 2005 года. Так, курсы по гендерной тематике читались в шести ведущих вузах Баку, четыре из которых имеют статус государственных. В каталоге дается описание 29 программ, которые преподавались к моменту выпуска каталога, при этом к большинству программ прилагалось разработанное учебно-методическое пособие и сборник курсов лекций для студентов, а 14 из них были одобрены министерством образования. Помимо того, в каталог включены данные о 83 *ведущих специалистах по гендерной тематике* (формулировка, данная в самом каталоге¹⁷), что, на мой взгляд, вряд ли свидетельствует о

¹⁶ Гулузаде З. О гендерном просвещении в Азербайджане // Gendershunaslq (Гендерология). 2000. №4. С. 5 (на азерб. яз., здесь и далее перевод автора).

¹⁷ Каталог ресурсов гендерного образования. С. 79.

гендерном сообществе как маргинализованном и немногочисленном, учитывая как размеры республики, так и общее количество занятых в академической сфере.

4. Особенности национального гендера

В чем же причина того, что «чуждый» западный концепт за небольшой промежуток времени смог приобрести статус «своего» в Азербайджане и даже стать обязательным для преподавания студентам гуманитарных специальностей в вузах страны? В собранных мною интервью распространение гендерных исследований объясняется в первую очередь их востребованностью и актуальностью, причем не столько в качестве нового направления в науке для Азербайджана, сколько как элемента культурной модернизации и политической стратегии. Вот как выражает эту мысль одна из информанток:

Основную миссию гендерных исследований в Азербайджане я вижу в том, что... мышление, общественное сознание необходимо не изменить, а обновить. Мы же собираемся интегрироваться в Европу, а чтобы интегрироваться, мусульманская республика Азербайджан обязательно должна отражать в себе современные нововведения (ж., 53 года, доктор наук).

За гендерными исследованиями признается своеобразная миссия открытия «окна в Европу» или, скорее всего, лишь «форточки». То, что информантка четко указывает важность именно обновления, а не изменения общественного сознания, говорит о ней как о стороннице все той же гибридной модели «синтеза» ценностей Европы и Азербайджана как мусульманской республики, где гендерные исследования принимают форму *современного нововведения*. То есть внедрение гендерных исследований — это необходимая уступка Западу (к тому же, финансируемая западными фондами), которую нужно сделать, чтобы войти в европейское содружество. Однако подобная *европеизация* не должна привести к коренным изменениям в сознании, оставив Азербайджану его самобытность.

В другом интервью за гендерными исследованиями также закрепляется статус важного и необходимого нововведения, но подчеркивается их критический и преобразующий потенциал:

Очень важно внедрение этих гендерных исследований, широкое внедрение гендерных исследований в систему образования, в систему непрерывного образования, начиная со школы и до высшего образования. И с течением времени возникнет новое общество, освобожденное от неправильных стереотипов. Там уже будут не нужны исследования в этом направлении (ж., 57 лет, кандидат наук).

Согласно суждениям информантки, гендерным исследованиям в случае успешного осуществления этого революционного проекта суждено сформировать новое общество, в котором в них самих уже не будет потребности. Именно в рамках гендерных исследований интеллектуальная элита намерена провести отбор *правильных и неправильных стереотипов*, и решить вопрос о том, какие из них следует взять в *новое общество*, а какие следует оставить в прошлом. И здесь разворачивается основная интрига, т.к. мнения относительно степени необходимой трансформации взаимоотношений между полами и компромисса между принятием «западных» образцов поведения и сохранением «правильных» национальных стереотипов могут существенно расходиться. Приведем цитату из интервью:

Изменения, которые претерпели и общество, и индивид, требуют перехода к иным отношениям полов в социуме — партнерским и равноправным. Причем речь идет не просто об эмансипации женщин и их социальном приоритете, как того добиваются феминистки, а о сбалансированности ролей обоих полов, ибо любой перекос — в сторону патриархата или матриархата — одинаково чреват опасными последствиями (ж., 65 лет, кандидат наук).

В приведенном фрагменте интервью подчеркивается важность равноправия полов в виде *сбалансированности ролей обоих полов*, что поможет спасти общество от *опасных перекосов*. Таким образом, за вывеской равноправия вырисовывается картина наделения полов определенными ролями, соблюдение *баланса* которых, в свете биологического детерминизма, и должно стать залогом благополучия нового общества. Такое представление встречалось во многих сделанных мною интервью, причем для описания столь важного *баланса* информанты подчас используют интересные слова-гибриды, такие как, например, «гендерная гармония» или «природосообразующая целесообразность». Авторы подобных конструкций описывают идеальное общество гендерного равноправия, которое достижимо, по их мнению, посредством широкомасштабного внедрения гендерного компонента в образование, при этом провозглашая первичность биологических различий. В результате апелляция к «биологической сущности» полов становится одной из тех инстанций, обращение к которой служит оправданием существующего неравенства, даже в рамках формально провозглашенного равноправия.

Интересным примером описания идеальных взаимоотношений между полами служит статья доктора философских наук А. Асадова «Мужчина и женщина: эстетический подход к гендерной проблеме»:

Небо и Земля, Свет и Тьма, Дух и Материя, и, наконец, Мужчина и Женщина являются двумя началами мира, жизни и любой возможной системы. Жизнь максимально здорова только в том случае, когда эти полюса сохраняют свою

*чистоту и выполняют свои функции в полной мере. Жизнь в том случае нездоровая, когда женственность и мужественность теряют свою чистоту и не выполняют свои функции в полной мере*¹⁸.

Идея комплиментарности полов и их бинарной оппозиции, подвергнутая критике западными гендерными исследователями¹⁹, обретает новую жизнь в проекте «гендерных» исследований в Азербайджане, где именно бинарность и «чистота» полов выступает в качестве гаранта здоровья общества. Автор статьи уделяет достаточно много внимания описанию образов как истинного мужчины, так и истинной женщины, при этом высказывая свою обеспокоенность по поводу кризиса мужественности и женственности в современном Азербайджане. Так, по мнению автора, главным назначением мужчины является борьба. А чтобы показать пример не достойного мужчины поведения, приводится пример влюбленного Меджнуна, героя поэмы Физули «Лейли и Меджнун», потому что «влюбленность – самоотречение, самоотказ, жизнь чувствами другого и жизнью другого, дышать идеалами другого человека, всегда являлись женскими качествами»²⁰. Мужчина подтверждает свою мужественность, приобретая себе женщину (в азербайджанском языке до сих пор бытует фраза «приобрести жену» для обозначения женитьбы), готовую к самопожертвованию и принятию на себя роли тени, отражения его господства:

*Женщина должна быть Женщиной в полном смысле этого слова — нежной, изящной, обаятельной, милосердной, кроткой, культурной барышней, сохраняющей приветливость и приятное обхождение; если она еще ребенок, малышка, то должна быть капризной и девчонкой с характером; если же ее детство уже закончилось, для создания семьи она должна быть целомудренной, мечтательной, немного изнеженной, кокетливой девушкой; если же она уже опора в доме мужа, то она должна быть способной подарить вечность памяти его крови (т.е. быть способной подарить ему потомство – Ю.Г.), не позволять его очагу потухнуть, быть верной женой; если же она уже мать, то должна погрузиться в заботу о ребенке, должна трястись над ним как лист, сносить все тяготы, должна быть священной сущностью, радующейся, как ребенок, каждому маленькому успеху...*²¹

¹⁸ Асадов А. Мужчина и женщина: эстетический подход к гендерной проблеме // Материалы второй республиканской научно-практической конференции «Гендер: демократия, культура мира, образование». Баку: Седа, 2005. С. 50 (на азерб. яз.).

¹⁹ См. напр. Bock G. Challenging Dichotomies: Perspectives on Women's History // Writing Women's History / Ed. by Karen Offen, Ruth Roach Pierson and Jane Rendall. Bloomington, Ind.: Indiana University Press. 1991.

²⁰ Асадов А. Указ. соч. С. 49.

²¹ Там же. С. 50.

Здесь мы видим, как «капризная девочка» эволюционирует до «священной сущности», лишенной своего «Я» и полностью растворенной в жизни своего мужа и ребенка, следуя старому тезису З. Фрейда: «Анатомия — это судьба». Автор, претендующий на рассмотрение «гендерной проблемы», похоже, видит проблему только в отступлении от четко приписанных по половому признаку ролей и образцов поведения.

Исследователи с энтузиазмом взялись не только за моделирование общества будущего и образов «идеальных мужчины и женщины». Другим важным направлением исследований становится реконструкция образов мужчин и женщин в истории, а по сути — поиск в истории легитимации проекта будущего. Так, например, Гудсия Алиева в статье «Проблема женщины в дастанах²² Азербайджана» реконструирует положение женщин в далеком прошлом по текстам древнетюркских эпосов. Ее анализ показывает, что в племенах древнетюркских кочевников женщины и мужчины были уравнены в правах:

...различия между мужчинами и женщинами в дастанах очень прозрачные... Например, Банучичек (героиня эпоса) соревнуется с храбрым героем в умении метать стрелы, скакать на лошади и сражаться. В то же время, она предстает перед нами в образе нежной возлюбленной этого мужчины. Интересно, что несмотря на то, что женщина может исполнять роль и функции мужчины, она не теряет своей женственности, и в этом случае мужские черты сразу сходят с её лица²³.

Таким образом, автор пытается применить современные концепции мужественности/женственности к тюркским племенам, которые кочевали по территории нынешнего Азербайджана в начале средневековья, при этом, проводя параллели, автор рассматривает не меняющиеся сквозь века значения «мужчины» и «женщины», а считает их равноценными тем социальным типам, предлагаемым обществом тысячелетие спустя. Согласно теории Алиевой, «мужчины и женщины, овладевая высокими нравственными ценностями, объединяются и уравниваются в более высокой по отношению к их половым различиям концепции «человека», и в этот момент физио-биологические различия между полами теряют свое значение»²⁴. Здесь все звучит вполне в соответствии с западными гендерными, и даже феминистскими, исследованиями. Но в этой концепции гендерное равенство гарантируется только при условии обладания нравственными ценностями, а они оказываются гендерно не нейтральными. Основная нагрузка по сохранению и

²² Дастан (фарси) — эпический жанр в литературах и фольклоре Ближнего и Среднего Востока и юго-восточной Азии; обычно — литературная обработка сказочных сюжетов, легенд и преданий. ([Квятковский А. П. Дастан // Поэтический словарь / Квятковский А. П., М.: Сов. энцикл. 1966. С. 96](#))

²³ Алиева Г. Проблема женщины в дастанах Азербайджана // Женский вопрос в азербайджанской художественной и общественно-политической мысли / Под ред. Абасова А. и Мирзазаде Р. Баку: «Адилъоглу», 2004. С. 35 (на азерб. яз.).

²⁴ Там же. С. 35.

соблюдению нравственных норм возлагается автором на женщин, которые ввиду этого оказываются гораздо больше ограничены традициями и социальным контролем. Так, женщинам, по примеру их далеких прабабушек, для сохранения морального облика советуется скромная одежда и ношение платка. Самыми восхваляемыми образами женщин в дастанах становятся образы жены и матери, при этом Алиева подчеркивает, что «мужчина, владея своей женой, а женщина, подчиняясь мужу, утверждают свои личности»²⁵. И здесь мы опять видим, что под видом гендерных исследований происходит легитимация гендерной асимметрии, которая в данном случае оправдывается не биологически и космологически (как у Асадова), а традицией и историей.

Приведем отрывок из статьи, как раз посвященной гендерной асимметрии:

Я считаю, что даже если равные права мужчин и женщин были провозглашены, необходимо принимать во внимание национальный менталитет, для того чтобы не нарушить традиции и обычаи, которые сформировались на протяжении десятилетий лет, и пропагандируя новшества, нельзя полностью отвергнуть прошлое²⁶.

Как видно из цитаты, традиции и обычаи, сформировавшие национальный менталитет, представляют для автора большую ценность и поэтому должны быть ограждены от вредоносного влияния «чужого». Другой автор пишет во введении к своей учебной программе по гендерным аспектам истории Азербайджана: «крайне необходим учет местных национальных традиций, особенностей, ментальности»²⁷. Перед исследователями возникает сложный выбор: с одной стороны, «актуальность» и выгода гендерной тематики, с другой — нежелание принимать вместе с терминологией критическое отношение к патриархальным и дискриминационным практикам. В результате происходит заимствование терминологии и исследовательского поля (взаимоотношения мужчин и женщин) с целью сохранить и укрепить патриархальные традиции, укорененные в культуре и значимые для сохранения национальной самобытности. Заветная формула синтеза «своего» и «чужого» звучит как «национальный гендер»:

*Все эти годы, мы... «проводя борьбу» в направлении формирования **Национального Гендера, Гендерологии**, вышли на поиск гендерного мышления в духовной культуре. И в богатой азербайджанской духовно-культурной и литературно-исторической сокровищнице, обнаружили неизвестную для*

²⁵ Там же. С. 36.

²⁶ Шабанов З. Гендерная асимметрия ждет своего решения // Гендерология. 2000. №2 С. 42 (на азерб. яз.).

²⁷ Мамедова Ф. Дж. Гендерные аспекты истории Азербайджана. Учебная программа. Баку: Западный университет, 2001. С. 3.

*Запада Гендерную Культуру Восточной Цивилизации*²⁸ [выделено авторами текста].

В данной цитате привлекает внимание в первую очередь подчеркнутая обращенность к Западу, «чужому» и «чуждому». Именно ему авторы намереваются противопоставить свои находки из сокровищницы культуры Востока, именно он лишен их, «не знает» о них и потому считает себя неким «эталонном». Именно в противовес ему и создается теория *национального гендера, гендерологии* как попытка самоутверждения и обозначения иной «гендерной культуры восточной цивилизации». В проекте *национального гендера* происходит реализация чаяний и усилий азербайджанского интеллектуального сообщества создать собственный проект гибридной модернизации.

Концепция национального гендера предполагает не только открытие самобытной гендерной культуры (которая оценивается однозначно положительно), но она оказывается одним из базовых элементов проекта нациестроительства. Как пишет исследователь постсоветских обществ Кэтрин Вердери, «возрождение нации после социализма требует нового патриархата, установленного через новую демократическую политику, которая служит национальной идее»²⁹. При этом в новом проекте строительства национальной государственности женщинам предоставляется очень важная и ответственная роль хранительниц «национальной идентичности» и «национального менталитета». Именно восстановление образов женщин как символов «чистоты и высокой нравственности» является для приверженцев этого проекта защитой против «западных ценностей», проникновение которых при реализации модернистского проекта может повлечь негативные, если не сказать угрожающие, для национальной самобытности последствия. Политически ангажированные специалисты, занимающиеся «гендерной» тематикой, используют «ресурсы женских тел как символ нации, чтобы производить дискурсы изнасилования, материнства, сексуальной чистоты и гетеронормативности»³⁰.

Таким образом, гендерные исследования превращаются в гибрид концепта, позаимствованного из «чуждого» языка и наделенного новым смыслом в контексте текущего проекта нациестроительства. Поскольку национальная идея была обнаружена в культуре, корнях и традициях, то и азербайджанские гендерные исследования должны исходить из «исторических, психологически-ментальных, этно-конфессиональных особенностей азербайджанского народа, традиций и норм исторического отношения к мужчине и женщине»³¹. Их функция вполне укладывается в стандартное позитивистское видение социальной науки — служить государственному контролю и стабильности

²⁸ Аббасов А., Мирзаде Р. Общий обзор национальной гендерологии // Проблема женщины в азербайджанской художественной и общественно-философской мысли / Под ред. Абасова А. и Мирзаде Р. Баку: «Адилгоглу», 2004. С 16.

²⁹ Verdery K. What was Socialism, and What Comes Next? Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 82.

³⁰ Гревал И., Каплан К. Постколониальные исследования и транснациональные феминистские практики // Гендерные исследования. 2002. № 7-8. С. 109.

³¹ Зульфигарова Н. Гендерные аспекты становления гражданского общества в Азербайджане. Дис. к. ф. н. 2005 (рукопись).

социальной системы, поставлять материал для проектирования общества будущего и стоять на страже национальных интересов.

Заключение

Тот дискурс о гендерных проблемах, который создавался на протяжении последнего десятилетия в Азербайджане, только внешне имитирует западный гендерный дискурс, позаимствовав у последнего центральный концепт. «Гендер» был успешно включен азербайджанской академической элитой в проект формирования национальной идентичности, рассматриваемый в качестве важной составляющей программы строительства национальной государственности. Доказав свою лояльность национальной идеологии, частью которой является укрепление патриархатного гендерного порядка, и готовность внести в нее свой вклад, гендерные исследования завоевывают позиции в вузах, Академии наук и министерстве образования страны. Наличие подобных исследований в стране должно демонстрировать приобщение азербайджанских интеллектуалов к современному научному дискурсу и проявление политической воли руководящей элиты на пути к демократическим преобразованиям, будь то в стране или в отдельно взятом вузе.

Основная причина возникновения гибридной конструкции «национального гендера» — отсутствие масштабных парадигмальных сдвигов в азербайджанском академическом дискурсе, когда концепт, возникший в лоне социально-конструктивистских течений, оказывается перемещенным в плоскость позитивизма, утратив таким образом как свой революционный запал, так и деконструктивистскую составляющую. Это приводит к смягчению «бунтарских» составляющих гендерного дискурса, к его редуцированию до теорий пола, которые лишь подтверждают биологический детерминизм социальных ролей мужчин и женщин. В локальном дискурсе воспроизводится гендерная асимметрия, которая подкрепляется разработкой теорий, претендующих на научность и актуальность. Таким образом, основные задачи «гендерных исследований», такие как реорганизация социального пространства с целью прекращения сексуального и гендерного неравенства и пересмотр научного знания с точки зрения феминистской эпистемологии, остаются не просто не артикулированными, но и замененными подчас на противоположные значения. Однако эта подмена остается незамеченной при количественном избытии гендерных исследований в Азербайджане и слабой включенности местных исследователей в международные сети.